

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, заместитель главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть», профессор
Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

СУДЬБЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОМСОМОЛА В ИСТОРИИ «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

Феномен «Ленинградского дела» 1949 – начала 1950-х годов представляется одним из наиболее резонансных явлений эпохи позднего сталинизма. В результате репрессивной политики пострадали десятки комсомольских работников Ленинградской организации ВЛКСМ различного уровня – городского, областного, районного, первичного. В числе опальных руководителей ленинградского комсомола – Всеволод Иванов, Всеволод Чернецов, Анатолий Ситников, Михаил Васьковский, Галина Егорова, Татьяна Никифоровская и др. Документальной основой публикации стали рассекреченные в 2018 году материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Изучение документов по истории «Ленинградского дела» позволяет утверждать о единстве сценария, синхронизированности репрессивных действий, использовании одинаковых методов в отношении партийных и комсомольских руководителей Ленинграда, обвиненных в причастности к «антипартийной группе». Объявленной причиной «крупных недостатков» в комсомоле явилось копирование методов и стиля работы бывшего партийного руководства. Отмечается, что персональными делами бывших руководителей занимались доверенные представители Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и группа сотрудников Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Обращается внимание на участие в ленинградских событиях будущих председателей КГБ А. Н. Шелепина и В. Е. Семичастного, в тот период секретарей ЦК ВЛКСМ.

Ключевые слова: «Ленинградское дело», поздний сталинизм, Комиссия партийного контроля, история комсомола, Всеволод Иванов, Всеволод Чернецов, Анатолий Ситников, Михаил Васьковский

ВВЕДЕНИЕ

В современной историографии «Ленинградского дела» наметился поиск новых подходов в интерпретации данного явления в советской истории (см.: [1], [2], [6]). Феномен «Ленинградского дела» рассматривается в контексте системы позднего сталинизма, через призму борьбы партийных группировок. Данный подход позволяет выявить типологические характеристики и особенности репрессивного механизма политической системы послевоенной исторической эпохи (см.: [3], [4], [5]). Одна из малоизвестных страниц связана с судьбами руководителей ленинградского комсомола.

СУДЬБЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

5 апреля 1956 года первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин, выступая с докладом на V пленуме ЦК комсомола (5–6.04.1956), объявил «о так называемом “Ленинградском деле”», определяя его причиной «большого вреда», нанесенного «культом личности и связанных с ним нарушений норм партийной жизни»¹. Подчеркивалось, что

«серьезный ущерб нанес культ личности и комсомолу. Именно в годы культа личности укоренились такие

негодные методы в работе комсомола, как голое администрирование, оказывание работы, бюрократизация аппарата. Культ личности воспитывал у руководящих комсомольских работников пренебрежительное отношение к инициативе, идущей снизу, из гуши комсомольских масс. Не случайно в комсомоле развились такие уродливые явления, как замазывание недостатков, лакирование действительности, нерадивость и шумиха, очковитательство. В комсомоле в эти годы развелось немало подхалимов и аллилуйщиков»².

Шелепин сообщил, что в связи с «Ленинградским делом» невинно пострадал ряд комсомольских работников³. Судьбы опальных руководителей Ленинградской организации ВЛКСМ – часть общего «Ленинградского дела». 6 апреля 1956 года пленум ЦК ВЛКСМ принял персональные решения:

«О тов. Иванове В. Н. Отменить постановление пленума ЦК ВЛКСМ от 8 декабря 1949 г.⁴ об исключении из состава членов ЦК ВЛКСМ т[оварища] Иванова В. Н. как неправильное. О тов. Чернецове В. И. Отменить постановление пленума ЦК ВЛКСМ от 29 декабря 1949 г.⁵ о выведении из состава бюро ЦК ВЛКСМ и освобождении от обязанностей члена ЦК ВЛКСМ т[оварища] Чернецова В. И. как неправильные. О т[оварищах] Ситникове А. Г. и Васьковском М. Р. Отменить постановления пленума ЦК ВЛКСМ от 23–25 августа 1950 г.⁶ об

исключении из состава членов ЦК ВЛКСМ т[оварищей] Ситникова А. Г. и Васьковского М. Р. как неправильные»⁷.

Парадокс заключается в том, что никто не дал определения «неправильности» отмененных решений. На этом процесс реабилитации посчитали завершённым. В результате получилось, что по государственной линии уголовные дела прекращались за отсутствием состава преступления, по партийной – бывших руководителей комсомола Ленинграда восстанавливали в партийных рядах, а вот их принадлежность к комсомольской организации осталась неясной.

Среди членов ЦК ВЛКСМ были комсомольские руководители, которые в 1949–1950 годах единогласно проголосовали за исключение своих недавних коллег, избранных на XI съезде комсомола 8 апреля 1949 года, из состава ЦК ВЛКСМ на основании голословных заявлений о якобы «антипартийном поведении» и участии в «антипартийной группе». Как свидетельствуют архивные материалы, когда готовился вопрос об исключении Всеволода Иванова, от каждого члена ЦК ВЛКСМ заранее было затребовано письменное согласие по данному поводу. Лишь несколько десятилетий спустя, на закате истории ВЛКСМ, справедливость восторжествовала: 27 декабря 1989 года бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление о реабилитации комсомольских работников, репрессированных в годы культа личности, восстановлении в рядах ВЛКСМ и выдаче комсомольских документов на память. Среди реабилитированных значились В. Н. Иванов и В. И. Чернецов⁸. В аналогичном решении ЦК ВЛКСМ от 30 января 1991 года в очередном списке содержались фамилии А. Г. Ситникова и М. Р. Васьковского⁹. Для родственников эти запоздалые решения не были формальностью – речь шла о восстановлении честного имени и репутации людей.

Все названные руководители комсомола военные годы провели в блокадном Ленинграде, имели государственные награды. Всеволод Иванов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ (1941–1944), был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «Партизану Отечественной войны» I степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Преемник В. Н. Иванова в должности руководителя ленинградского комсомола Всеволод Чернецов (1944–1949) имел орден Красной Звезды, медали «За трудовое отличие», «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Второй секретарь Ленинградского горкома ВЛКСМ Анатолий Ситников был награжден орденом Красного Знамени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Ленинграда», «За победу

над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Второй секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Михаил Васьковский награждался орденом Ленина, медалями «За оборону Ленинграда», «Партизану Отечественной войны» II степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В. Н. Иванов в 1945–1949 годах работал вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, 15 апреля 1949 года он был переведен в ЦК ВКП(б) на должность инспектора. 30 сентября 1949 года Секретариат ЦК партии рассмотрел вопрос со зловещим названием «Дело Иванова Всеволода Николаевича». Результат соответствовал формулировке: Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил решение КПК при ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1949 года об исключении его из членов партии «за политически недостойное поведение»¹⁰. Главное обвинение заключалось в том, что В. Н. Иванов «знал о политически недостойном поведении» бывших руководителей Ленинградской парторганизации Кузнецова А. А., Попкова П. С. и Капустина Я. Ф., «о проводимой ими линии на разложение партийного актива и противопоставлении Ленинградской парторганизации ЦК ВКП(б). Но он не только не сообщил об этих антипартийных действиях Центральному Комитету ВКП(б), но сам фактически являлся участником антигосударственных действий»¹¹. В обвинительных документах приводились факты «для характеристики политического лица Иванова». Один из них был связан с защитой диссертации в 1947 году на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Массовое революционное движение рабочей молодежи Петрограда в 1917 году». Обвинение заключалось в том, что, являясь вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, для написания своей диссертации В. Н. Иванов пользовался «контрреволюционными документами». В приложении к диссертации им были представлены речи и выступления «врагов народа» Шляпникова, Преображенского, Файвиловича, Дрязгова, а также меньшевистско-эсеровские документы. Констатировалось, что «по существу Иванов В. Н. в диссертации и особенно в приложении протаскивал антипартийные материалы»¹². В вину автору диссертации поставили использование своего положения секретаря ЦК ВЛКСМ, а также сам факт защиты «политически вредной диссертации» в Ленинградском государственном университете на кафедре марксизма-ленинизма, где «на руководящих постах находились люди, не внушающие политического доверия»¹³.

Автором обвинительного заключения являлся сотрудник Комиссии партийного контроля при ЦК партии Митин – тот самый, который

позднее оказался соавтором докладной записки М. Ф. Шкирятову 13 декабря 1952 года под названием «Справка о засоренности кадров людьми, не внушающими доверия, в библиотеке Академии наук в Ленинграде». В ней, в частности, сообщалось, что из 345 сотрудников свыше 120 человек являлись выходцами из социально чуждой среды – из дворян, купцов, служителей религиозных культов и пр.¹⁴ Обвинительная тональность и риторика документов аналогичны.

4 ноября 1949 года В. Н. Иванов был арестован сотрудниками МГБ. Расстрелян 29 октября 1950 года (по другим данным, погиб в Лефортовской тюрьме). Захоронен в Донском крематории. 26 мая 1954 года Военной коллегией Верховного суда СССР он был реабилитирован. Решением КПК при ЦК КПСС от 14 июня 1954 года по-смертно восстановлен в рядах партии.

Вдова В. Н. Иванова, Ольга Николаевна Иванова, свидетельствовала:

«<...> Особенно трудно мне вспоминать об отношении к Всеволоду его близких, казалось бы, товарищей по работе. Ведь мы жили в одном доме с тогдашними секретарями ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепиным и Н. Н. Романовым, редактором «Комсомольской правды» Б. С. Бурковым, первым секретарем ЦК комсомола Н. А. Михайловым <...> В те тяжкие для Всеволода два месяца, с 31 августа по 4 ноября (1949 года. – Ю. В.), ни один из них к нам не зашел, не позвонил. Когда случайно встречали на улице меня или мою племянницу Алю, то суетливо переходили на другую сторону <...> Ну, а после моего возвращения из лагеря, никто из них не считал для себя возможным хотя бы позвонить мне, сказать доброе слово <...>»¹⁵

Таков был дух сталинской эпохи: человеческая чистота и честность заменялись жесткими требованиями партийной морали.

Жена «врага народа» О. Н. Иванова была арестована в октябре 1950 года, осуждена на 8 лет с конфискацией имущества, отправлена в лагерь, где провела более трех лет. Реабилитировали ее в марте 1954 года. Она добилась восстановления в партии, стала зав. кафедрой Московского института связи, доктором наук, профессором, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР. Награждена орденами Ленина и «Знак Почета». В июле 1954 года О. Н. Иванова получила извещение о реабилитации мужа. Однако лишь в 1980-е годы узнала, что в 1954 году КПК восстановил членство В. Н. Иванова в партии (даже для реабилитированной вдовы это держалось в тайне более 30 лет).

По воспоминаниям современников Всеволода Иванова, комсомольский руководитель Ленинграда был яркой личностью. Он превосходно водил автомашину (редкость по тем временам), занимался парашютным спортом, имел права пилота-любителя. Вместе с женой они любили театр, музыку, живопись, поэзию. В. Иванова отличали широкий политический кругозор, высокий уровень общей культуры, умение постоянно совершенствовать знания. По характеру был

справедлив, принципиален, со всеми прост, приветлив, но порой бывал и резким, колючим, упрямым, даже крутым. Во время блокады, по его собственному признанию, спал 3–4 часа в сутки¹⁶. В 33 года стал вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Примечательно, что супруги Ивановы приехали в Москву ранним утром 9 мая 1945 года.

В. И. Чернецов до ареста в 1951 года работал начальником отдела в Центральном НИИ № 48 в Ленинграде. Осужден 18 октября 1951 года Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям: 58-1а (измена родине), 58-7 (вредительство), 58-11 (участие в контрреволюционной организации) УК РСФСР на 15 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в правах. С 8 декабря 1951 года Всеволод Чернецов содержался в Александровской особой тюрьме МГБ СССР (Александровский централ в Иркутской губернии был знаменит еще с дореволюционных времен). 12 апреля 1952 года начальник Александровской тюрьмы МГБ СССР подполковник госбезопасности Соломин направил в особый сектор ЦК партии заявление заключенного Чернецова, адресованное первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. 12 февраля 1953 года в особый сектор ЦК КПСС было вновь отправлено на рассмотрение заявление заключенного Чернецова от 26 января 1953 года, подписанное начальником тюремного отдела МГБ СССР полковником госбезопасности Евсениным и зам. начальника 2-го отделения тюремного отдела МГБ СССР подполковником госбезопасности Петровым. Заявление с просьбой о пересмотре дела было адресовано на имя нового первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина. 15 апреля 1953 года Шелепин отправил данное письмо на рассмотрение зам. министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулова. Решением бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 16 мая 1950 года Чернецов был исключен из членов партии

«за антипартийное поведение, подхалимство и угодничество перед Ивановым, не разоблачение его антипартийных действий, культивирование небольшевистских нравов, угодничества, преподношение подарков, самовосхваление, распушенность в быту, потворствование незаконному расходованию комсомольских средств, не вел борьбы с злоупотреблениями отдельных работников аппарата обкома и горкома ВЛКСМ»¹⁷.

Жена В. Чернецова, Надежда Владимировна, отбывала ссылку в поселке Ангарский Красноярского края. При этом молодую мать разлучили с малолетним сыном.

По протесту Генерального прокурора СССР пленум Верховного суда СССР 5 февраля 1954 года отменил приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 октября 1951 года в отношении Чернецова и уголовное дело в отношении него прекратил за отсутствием состава преступления. Восстановлен в рядах членов КПСС решением КПК при ЦК КПСС от 29 июля

1954 года. В 1956 году изъята запись о перерыве в партстаже 1950–1954 годов. После освобождения В. И. Чернецов работал по специальности, защитил диссертацию. С 1962 года являлся проректором Северо-Западного политехнического института, затем профессором кафедры технологии материалов и сварки.

В отношении А. Г. Ситникова, по официальной информации Прокуратуры СССР, сведений о привлечении к уголовной ответственности не имелось: не было ареста, осуждения или высылки¹⁸. Бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 15.07.1950 года вынесло Ситникову выговор с занесением в учетную карточку за «непартийное поведение»:

«...зная об антипартийных действиях Иванова и Чернецова, не помог в их разоблачении, принимал участие в банкетах, проводимых за счет государственных средств, беспринципно и подхалимски вел себя по отношению к Иванову и Чернецову в бытность на руководящей комсомольской работе»¹⁹.

Постановлением КПК при ЦК КПСС от 14.02.1953 года А. Г. Ситников был переведен из членов партии в кандидаты «за неправильное поведение». Восстановлен в членах КПСС решением КПК при ЦК КПСС от 29 сентября 1954 года.

По данным Прокуратуры СССР, сведений о применении репрессивных мер к М. Р. Васьковскому не обнаружено²⁰. Решением Ленинградского обкома партии 15 июля 1950 года он был переведен из членов партии в кандидаты, 25 сентября 1952 года исключен из кандидатов за «недостойное поведение». 3 февраля 1953 года КПК подтвердил это решение. Восстановлен кандидатом в члены КПСС решением КПК при ЦК КПСС от 14 июля 1953 года, в данном решении КПК указано на «неправильное поведение», выразившееся в том, что,

«зная о непартийном поведении Иванова и Чернецова, проходивших по т. н. «ленинградскому делу», своевременно не помог в их разоблачении»²¹.

В декабре 1953 года М. Р. Васьковский вступил в члены КПСС на общих основаниях. В 1956 году изъята запись о перерыве в партстаже 1950–1953 годов. Умер в феврале 1971 года.

В Ленинграде в 1949 – начале 1950-х годов были наработаны механизм и методы раскрытки персональных «дел». С начала 1949 года приступила к работе созданная из доверенных партийных работников инспекторская группа КПК. Одновременно и в контакте с ней персональными «делами» занималась группа чекистов, созданная на базе Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Разработкой «Ленинградского дела» руководили начальник Следственной части по ОВД МГБ генерал-майор госбезопасности А. Г. Леонов, его заместители – полковник В. И. Комаров и полковник М. Т. Лихачев (они непосредственно вели «дело»). Более десятка

опытных следователей целенаправленно собирали доказательную базу по статьям 58-1а (измена родине), 58-7 (вредительство), 58-11 (участие в контрреволюционной организации) и другим тяжелым статьям.

Представители инспекторской бригады ЦК ВКП(б), а также бригады чекистов, наработавшие опыт «Ленинградского дела», принимали участие в последующем его продвижении в других регионах, особенно на северо-западе СССР²².

Активно использовались методы доносительства. Инициаторами «сигналов» нередко являлись сами сотрудники КПК при ЦК ВКП(б) (ответственные контролеры КПК, как они назывались). Сотрудник Митин, который вел «дело Иванова», организовал появление заявления М. Васьковского, текст заверен его личной подписью. Из КПК данное письмо было представлено первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову. На документе осталась резолюция Михайлова: «Секретарям ЦК ВЛКСМ. К обсуждению на секретариате. Н. Михайлов. 17.04». Поставлены визы: Шелепин, Семичастный, Кочемасов²³.

Сотрудник КПК С. И. Колесников, занимавшийся в Ленинграде «делами» партийных руководителей (Г. Т. Кедрова, Н. В. Лизунова и др.), в 1950 году вел резонансное «дело Куприянова» в Карело-Финской ССР.

Сотрудники ЦК ВКП(б) и КПК, причастные к «Ленинградскому делу», бдительно следили за прохождением персональных дел руководителей комсомола Ленинграда. На II пленуме ЦК ВЛКСМ 29.11–2.12.1949 года, рассматривавшем организационные вопросы об исключении из состава ЦК ВЛКСМ В. Н. Иванова и В. И. Чернецова, присутствовал зам. зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии Е. И. Громов. В IV пленуме ЦК ВЛКСМ 23–25 августа 1950 года, исключившем из состава ЦК ВЛКСМ А. Г. Ситникова и М. Р. Васьковского, принимал участие сотрудник КПК С. И. Колесников.

Обращает на себя внимание синхронизированность акций. После решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1949 года «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т[оварища] Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т[оварищей] Родионова М. И. и Попкова П. С.», пленума Ленинградского обкома и горкома партии от 22 февраля, результатом которых стало снятие с должностей ряда партийных и советских руководителей, еще не было ясности в отношении дальнейших событий и судеб бывших руководителей. И. В. Сталин долго раздумывал о судьбе участников «антипартийной группы». Внешне ничего не предвещало приближающуюся бурю. Ленинградская организация ВЛКСМ успешно проявила себя в период работы XI съезда комсомола 29 марта – 8 апреля 1949 года. В докладе Мандатной комиссии (А. Н. Шелепин)

прозвучало: Ленинградская делегация – в числе наиболее многочисленных делегаций съезда комсомола (44 человека). В. Н. Иванов председательствовал на съезде комсомола в первый день, во второй на утреннем заседании, В. И. Чернецов председательствовал 4 апреля на вечернем заседании съезда. Чернецов был избран в секретариат съезда, Ситников – в состав редакционной комиссии, в комиссию по выработке резолюции по отчету ЦК – Иванов и Чернецов, в комиссию по выработке резолюции по второму вопросу – Иванов и Ситников, в комиссию по выработке проекта резолюции съезда – Иванов и Васьковский. 30 марта первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ Всеволод Чернецов выступал в прениях по Отчетному докладу ЦК ВЛКСМ. 2 апреля состоялось выступление второго секретаря Ленинградского горкома ВЛКСМ Анатолия Ситникова по второму вопросу: «О работе комсомола в школе». В числе выступавших был также А. А. Вознесенский, министр просвещения РСФСР (4 апреля), бывший ректор Ленинградского государственного университета, старший брат Н. А. Вознесенского. 5 апреля делегаты съезда слушали выступление второго секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ Михаила Васьковского по третьему вопросу повестки дня съезда. Второй секретарь ЦК ВЛКСМ Всеволод Иванов 5 апреля 1949 года выступил с докладом по третьему вопросу повестки дня XI съезда ВЛКСМ – «Об изменениях в Уставе ВЛКСМ». 6 апреля была единогласно принята резолюция съезда по данному вопросу. После выступления В. Иванова 6 апреля о дополнениях в Уставе новую редакцию Устава ВЛКСМ утвердили единогласно. По решению съезда огромным тиражом в 200 тыс. экз. была издана брошюра В. Н. Иванова «Изменения в Уставе ВЛКСМ: Доклад на XI съезде ВЛКСМ 5 апреля 1949 г.» (М.: Молодая гвардия, 1949). В состав ЦК ВЛКСМ на съезде были избраны четыре представителя Ленинградской делегации: Иванов, Чернецов, Ситников, Васьковский. Чернецов стал также членом бюро ЦК ВЛКСМ (состав бюро ЦК комсомола – 11 человек, в том числе 5 секретарей, – 12 апреля 1949 года специальным решением утвердил Секретариат ЦК партии, а 14 апреля – Политбюро ЦК ВКП(б), постановление подписано Сталиным). В докладе на съезде комсомола В. Иванов констатировал состояние «полного политического единства и организационной сплоченности ВЛКСМ» и «вокруг ВКП(б)»:

«За отчетный период комсомол, руководимый партией Ленина – Сталина, настойчиво и неустанно вел борьбу за осуществление генеральной линии партии, против врагов народа и оппортунистов. Была разоблачена и разгромлена вражеская агентура в комсомоле, очищены его ряды от всякой нечисти, проведена большая идейно-политическая работа»²⁴.

Мог ли докладчик тогда предположить, что уже через несколько месяцев самого комсомольского руководителя и его ленинградских товарищей постигнет печальная участь?

МЕХАНИЗМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Первые аресты по «Ленинградскому делу» начались во второй половине июля 1949 года. 13 августа 1949 года в кабинете Г. М. Маленкова были арестованы А. А. Кузнецов, М. И. Родионов, П. С. Попков, П. Г. Лазутин. Накануне, 12 августа, в Ленинграде состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ, в результате которого были освобождены с занимаемых постов руководители Ленинградского комсомола. Однако персональные решения были согласованы и приняты до пленума.

В повестке пленума 12 августа 1949 года значился вопрос: «О крупных недостатках в работе бюро Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ». На пленум прибыли секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин и второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Б. Ф. Николаев. С докладом выступил Шелепин. Он сообщил следующее: 5 августа 1949 года бюро ЦК ВЛКСМ обсуждало вопрос о положении дел в ленинградской организации. На бюро был предreshен вопрос об освобождении Чернецова и Ситникова. В результате об этом было доложено ЦК ВКП(б). 9 августа Секретариат ЦК партии принял постановление об освобождении В. И. Чернецова от обязанностей как «не обеспечившего руководства». Новым руководителем комсомола Ленинграда был утвержден В. Н. Зайчиков – зав. отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ²⁵. Основанием для решения кадрового вопроса стала докладная записка первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, а также информация, поступившая Маленкову 8 августа от зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии Г. П. Громова. В ней сообщалось, что Чернецов подвергся резкой критике в начале года на партийных собраниях в Ленинграде по итогам объединенного пленума обкома и горкома партии от 22 февраля. Автор записки отметил: «...авторитетом в Ленинградской комсомольской организации не пользуется»²⁶. В соответствии с этим решением ЦК ВЛКСМ в тот же день принял свое постановление. Бюро ЦК ВЛКСМ поручило Шелепину доложить пленуму Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ о причинах данного решения²⁷.

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин получил непростое поручение. Задача заключалась не только в том, чтобы освободить от должностей ряд руководителей ленинградской организации ВЛКСМ (судьба Чернецова и Ситникова уже была решена в Москве). Требовалось провести своеобразное чистилище для комсомольского актива Ленинграда – политическую экзекуцию

на пленуме 12 августа, накануне ареста бывших партийных руководителей. Этот изощренный сценарий унижения недавних авторитетных комсомольских руководителей, прошедших ленинградскую блокаду в годы Великой Отечественной войны, стал частью «Ленинградского дела». Он был уже апробирован 22 февраля на партийном пленуме в Ленинграде. Система сталинизма демонстрировала свою назидательную функцию не только в отношении комсомольского руководства, но и всего актива Ленинградской организации ВЛКСМ.

12 августа 1949 года А. Н. Шелепин объявил причину «крупных недостатков» в работе Ленинградской организации ВЛКСМ: ее руководители, прежде всего первый секретарь обкома и горкома В. И. Чернецов и второй секретарь горкома А. Г. Ситников,

«полностью копировали методы и стиль работы бывшего партийного руководства Ленинградской организации, и это сказалось отрицательно на всей деятельности, особенно в последнее время, Ленинградской городской и областной комсомольской организации».

Они «работали совершенно неправильными методами, порочными методами»²⁸. Пленум обкома и горкома комсомола освободил от должностей А. Г. Ситникова, секретаря горкома по кадрам Г. М. Егорову, секретаря обкома комсомола по работе среди школьной молодежи и пионеров Т. В. Никифоровскую.

Каждый из участников объединенного пленума обкома и горкома комсомола, по задуманному сценарию, должен был извлечь для себя уроки из показательного процесса наказания и одновременно покаяния их бывших комсомольских руководителей. В постановлении пленума от 12 августа 1949 года констатировалось, что В. И. Чернецов и А. Г. Ситников

«не сделали должных выводов из решения февральского пленума обкома и горкома ВКП(б) (от 22 февраля 1949 года. – Ю. В.), не направляли комсомольскую организацию на воспитание у комсомольского актива принципиальности, чувства честности и правдивости перед партией и комсомолом»²⁹.

Это были назидательные уроки – напоминание сталинской системы власти о полной зависимости политического и физического существования не только партийных, но и комсомольских функционеров любого уровня от личной воли вождя.

В сценарии были заранее четко определены масштабы раскрутки «Ленинградского дела». Шелепин в своем докладе дал конкретную установку:

«Советовались мы в обкоме и горкоме партии и условились, что по итогам пленума сейчас нужно провести расширенные заседания бюро райкомов и горкомов, на которых обсудить итоги настоящего пленума, и на бюро нужно пригласить основной комсомольский актив

и доложить об итогах пленума. Что касается первичных организаций, то сейчас не стоит обсуждать»³⁰.

Широкие комсомольские массы на уровне первичных организаций не должны были посвящаться в содержание происходящих событий.

В определенной мере поручение, с которым А. Н. Шелепин отправился в Ленинград, созвучно с той задачей, которую решал в городе на Неве секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков 21–22 февраля 1949 года. Он тоже был исполнителем. Главным же организатором, автором идеи и сценаристом показательных мероприятий был И. В. Сталин. Будущий председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин в 1949 году прошел своего рода «обкатку» «Ленинградским делом».

Пленум Ленинградского обкома ВЛКСМ 25 ноября 1949 года освободил от обязанностей нескольких комсомольских работников: из состава бюро обкома вывели А. А. Белова, бывшего секретаря Выборгского горкома комсомола, «за допущенные ошибки в руководстве районной комсомольской организацией»; И. А. Августова, зав. отделом крестьянской молодежи обкома ВЛКСМ; В. В. Егорова отстранили от должности секретаря обкома по кадрам и члена бюро «за неправильное поведение в быту». Из состава обкома исключили Ф. В. Жбанкова, бывшего секретаря Кингисеппского РК, «за попытку противопоставить райком ВЛКСМ районной партийной организации»; Е. А. Иванова, бывшего секретаря Тихвинского райкома комсомола, «за насаждение чуждых комсомолу нравов и допущенные ошибки в руководстве районной комсомольской организацией»³¹.

На II пленуме ЦК ВЛКСМ 29.11.–2.12.1949 года ни в одном выступлении не прозвучали какие-либо комментарии о «Ленинградском деле» – ни в выступлении А. Н. Шелепина 29 ноября, ни в выступлении нового первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ В. Н. Зайчикова 30 ноября. Не упоминалось само определение – «Ленинградское дело». Несомненно, все члены ЦК ВЛКСМ были наслышаны о событиях, связанных с Ленинградом. Но информация не афишировалась не только в средствах массовой информации, но и на пленуме ЦК ВЛКСМ. Ничего не сказал и первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов в выступлении 1 декабря. Он в обтекаемой форме сообщил, что «в некоторые комсомольские организации на руководящую работу попадают люди случайные (курсив наш. – Ю. В.), недостойные звания комсомольского руководителя». Назывались несколько областных комсомольских организаций: Челябинская, Ленинградская, Новосибирская, Псковская³². Михайлов предупредил:

«Мы не можем допускать благодушия, самоуспокоения в наших рядах. Партия требует от нас всемерного развертывания критики и самокритики...»³³

Однако с легкой руки Михайлова абстрактное определение о «случайных людях» получило широкое хождение в качестве объяснения ситуации в комсомоле.

Кадровые перестановки сопровождалась, как правило, краткими комментариями. Освобождение от должности второго секретаря и члена бюро Ленинградского обкома комсомола М. Васьковского, которое произошло на пленуме обкома ВЛКСМ 19 января 1950 года³⁴, оказалось необычным. В. Н. Зайчиков сообщил о состоявшемся ранее решении бюро ЦК ВЛКСМ (6.01.1950 г.) и бюро Ленинградского обкома (9.01.1950 г.). Как выяснилось, поступило несколько частных писем о его «неправильном поведении». По информации Зайчикова, после решения ЦК ВЛКСМ об освобождении Чернецова и Ситникова Васьковский заявил на бюро, что решение правильное. Он допускал «неправильные высказывания» о том, что «меня все равно тоже снимут»³⁵. После снятия с должностей бывших руководителей обкома и горкома ВКП(б), будучи на заседании бюро ЦК ВЛКСМ в августе 1949 года, Васьковский встречался с бывшим вторым секретарем Ленинградского обкома партии Г. Ф. Бадаевым в гостинице «Москва». Он заявлял, что это была кратковременная встреча на лестнице. После этой информации Зайчикова присутствовавший на пленуме Васьковский дал объяснение о встрече с Бадаевым:

«Я думал, что он товарищ. Мне было известно на пленуме обкома ВКП(б), когда его освобождали от работы, что он отозван в распоряжение ЦК ВКП(б). Поэтому я этой встрече не придал абсолютно никакого значения. Я допустил другую оплошность: в то время Бадаев не был исключен из партии. Наш разговор длился 7–8 минут. Как дела в ленинградской комсомольской организации? Ну, что и как? Недостатков много. Не упомянул, что Чернецов и Ситников сняты с работы. Спросил, когда он получит назначение, он сказал, что два раза его вызывали в ЦК ВКП(б), но разговор о назначении не шел. По выходе из гостиницы меня кто-то из 4–5 товарищей спросили, почему я задержался и был ли Бадаев один, я на это, видимо, по своему характеру, ответил: там находилась жена Бадаева, она в белом переднике подает чай, за столом сидят Попков и Капустин и горланят песни»³⁶.

На пленуме горкома 9 февраля 1950 года, помимо Васьковского, выявились еще два эпизода, связанных с партийным руководством Ленинграда. Из состава членов горкома «за некоммунистическое поведение» вывели бывшего секретаря горкома комсомола по кадрам – делегата XI съезда ВЛКСМ Г. М. Егорову. Зайчиков сообщил, что Егорова исключена из членов ВКП(б). В качестве обвинения прозвучала история 1948 года:

«Будучи первым секретарем Выборгского райкома ВЛКСМ, активно участвовала в проведении т. н. проводов Кедрова, являясь сама активным организатором этого банкета, сама лично закупала цветы для преподнесения Кедрову, принимала участие в составлении благодарственного адреса, собирала подписи»³⁷.

Речь шла о переходе бывшего секретаря Ленинградского горкома партии по кадрам Г. Т. Кедрова на работу вторым секретарем ЦК Компартии Эстонии. В октябре 1949 года Кедров был арестован по «Ленинградскому делу».

Другое кадровое решение было связано с исключением из состава горкома ВЛКСМ А. А. Андреева за «политически вредные действия в руководстве комсомольской организации Балтийского завода». По информации Зайчикова,

«Андреев, будучи секретарем комитета ВЛКСМ Балтийского завода, явно проводил линию политически вредную на противопоставление комсомольской организации партийной организации, решал принципиальные вопросы без ведома парткома, сеял сомнения среди молодежи в отношении правильности действий парткома, пытался представить дело так, что только комитету комсомола есть дело до нужд молодежи, а партийной организации дела нет, не выполнял решений партийного комитета, ориентировал актив на то, что во всех беспорядках в работе комсомольской организации повинна партийная организация»³⁸.

Он был исключен из партии.

Одним из последствий «Ленинградского дела» явилось разграничение статуса и функций обкома и горкома комсомола в структуре Ленинградской организации ВЛКСМ. Практика, когда первый секретарь горкома одновременно являлся первым секретарем обкома комсомола, была признана «негодной». Главным органом стал обком. На пленуме Ленинградского ГК ВЛКСМ 28 февраля 1950 года первый секретарь обкома комсомола В. Н. Зайчиков, освобожденный от должности первого секретаря горкома (в связи с разграничением органов), изложил суть изменений. Он сообщил, что ЦК ВЛКСМ считал необходимым в городах, областных центрах, где обязанности первого секретаря горкома комсомола совмещались с обязанностями первого секретаря обкома комсомола, произвести разграничение. Это решение принято ЦК ВЛКСМ после того, как по указанию ЦК партии была произведена соответствующая реорганизация партийных комитетов. Такая реорганизация уже была осуществлена в Московской и Ленинградской партийных организациях. Ставилась задача – привести структуру комсомольской организации в соответствие с положением в партийной организации.

Зайчиков подчеркнул, что реорганизация восстанавливает порядок, предусмотренный Уставом

комсомола: в нем исключалось положение, когда горком комсомола подчиняется непосредственно ЦК ВЛКСМ, не подчиняясь обкому комсомола. Исключений в Уставе не предусматривалось. На практике же сложилось так, что горком комсомола самостоятельно выходил на ЦК ВЛКСМ даже с вопросами утверждения руководящих кадров³⁹. «Негодная» практика совмещений оказалась причиной многочисленных дублирований кадровых вопросов по освобождению Чернецова, Ситникова, Васьковского и других комсомольских руководителей обкома и горкома комсомола: сначала каждого из них освобождали от занимаемой должности (как правило, одновременно из бюро), затем принимали решения о выводе из состава обкома, горкома.

21 февраля 1950 года А. Н. Шелепин был утвержден вторым секретарем ЦК ВЛКСМ. Один из его ближайших сподвижников, секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный, преемник Шелепина в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ, а затем председателя КГБ, также не избежал «обкатки» «Ленинградским делом». Семичастный представлял ЦК ВЛКСМ на пленуме Ленинградского обкома ВЛКСМ 25 июля 1950 года. Секретарь ЦК ВЛКСМ использовал в данном случае неуместную терминологию Н. А. Михайлова о «случайных людях»:

«В Ленинградской организации довольно продолжительное время стояло у руководства антипартийное руководство, *случайно* (курсив наш. — Ю. В.) пробравшееся к руководству. Всем известно о том большом вреде, который принесли эти люди в деле воспитания нашей молодежи»⁴⁰.

Однако, по оценке Семичастного, ленинградский актив «очистил ленинградское руководство от этих *случайных людей* (курсив наш. — Ю. В.)»⁴¹. Особой критике подверглась деятельность Ленинградского отделения издательства «Молодая гвардия» за «проникновение на работу в издательство *случайных людей* (курсив наш. — Ю. В.)», что заставило ЦК ВЛКСМ «думать о целесообразности его дальнейшей работы»⁴². Для убедительности высказываний в выступлении секретаря ЦК ВЛКСМ «вождь и учитель товарищ Сталин» цитировался 11 раз, несколько раз комсомол назывался «ленинско-сталинским».

В докладе на пленуме «О состоянии и мерах по усилению политико-воспитательной работы среди молодежи в Ленинграде и Ленинградской области», с которым выступил В. Н. Зайчиков, почти год спустя после разгромного пленума в Ленинграде 12 августа 1949 года впервые было представлено обоснование репрессивных мер в отношении руководителей Ленинградской

организации ВЛКСМ. Многочисленные факты, приведенные Зайчиковым, в значительной степени диссонировали с содержанием продолжительного выступления на пленуме В. Е. Семичастного.

В докладе Зайчикова бывший руководитель ленинградской организации ВЛКСМ В. Н. Иванов назван ставленником антипартийной группы и ее участником⁴³. Его окружение составляли, по его словам, также «пробравшиеся к руководству ставленники антипартийной группы»⁴⁴. Преемник Иванова Чернецов, по определению Зайчикова, «продолжал культивировать порочные методы руководства и насаждать чуждые комсомолу нравы»⁴⁵. Однако, вопреки заявлениям Семичастного, «ставленники» никак не могли быть «случайными людьми», способными нанести «большой вред» своими «антипартийными действиями»⁴⁶. Они имели своих покровителей в лице бывших партийных руководителей. Утверждалось, что бывшими руководителями обкома и горкома комсомола «комсомольцы и молодежь понуждались стоя приветствовать появление Кузнецова, Попкова, Капустина, Бадаева и других»⁴⁷.

Помимо политических обвинений, перечислялись многочисленные финансовые злоупотребления. Из проверенных 16 крупнейших комсомольских организаций в 15 секретари комитетов комсомола на протяжении длительного времени представляли фиктивные отчеты об уплате членских комсомольских взносов. В отчете в ЦК ВЛКСМ указывалось, что задолженность по взносам Ленинградской комсомольской организации составляла 8–10 %, а взносов поступало ежемесячно 600–700 тыс. рублей. Для сравнения: в 1950 году ежемесячное поступление взносов выросло до 1 млн 100 тыс. – 1 млн 300 тыс. рублей, хотя задолженность составляла еще 20–25 %. После пленума от 12 августа 1949 года были вскрыты растраты членских комсомольских взносов в 49 преимущественно крупных комсомольских организациях 15 районов Ленинграда⁴⁸. Лейтмотивом оценки ситуации, сложившейся в ленинградском комсомоле во второй половине 1950 года, стало высказывание первого секретаря обкома ВЛКСМ В. Н. Зайчикова на пленуме 25 июля 1950 года:

«За время после объединенного пленума ОК и ГК ВЛКСМ, который состоялся в августе прошлого года (12 августа 1949 года. — Ю. В.), в комсомольской организации, под руководством и при непосредственной помощи партийной организации и ЦК ВЛКСМ, проведена работа по искоренению последствий антипартийных действий бывшего руководства Ленинградской комсомольской организации. На комсомольскую работу выдвинуто много

новых, выросших, беспредельно преданных делу партии активистов»⁴⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) по «Ленинградскому делу», рассекреченных в 2018 году, позволяет констатировать, что репрессивные действия в отношении руководителей Ленинградского

комсомола осуществлялись по единому сценарию с партийным и советским руководством Ленинграда.

Модель «Ленинградского дела» послужила основанием для проведения последующих репрессивных действий в Северо-Западном регионе страны. Наиболее болезненным этот отголосок «Ленинградского дела» проявился в Карело-Финской ССР. Данные малоизвестные сюжеты требуют специального освещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 348. Л. 64.
- ² Там же.
- ³ Там же. Л. 69.
- ⁴ Неверно указана дата. II пленум ЦК ВЛКСМ, на котором принималось отменяемое постановление, проходил 29.11–2.12.1949 года.
- ⁵ Также неверно датировано отменяемое решение, принятое II пленумом ЦК ВЛКСМ, 29.11–2.12.1949 года.
- ⁶ Постановления IV пленума ЦК ВЛКСМ от 23–25 августа 1950 года.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 350. Л. 240.
- ⁸ Там же. Ф. М-28. Оп. 1. Д. 82. Л. 21–22.
- ⁹ Там же. Д. 5. Л. 2–3.
- ¹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 550. Л. 147.
- ¹¹ Там же. Л. 148.
- ¹² Там же. Л. 150.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/BOOKS/LUTOVA/LUTOVA_4.HTM#10 (дата обращения 12.08.2018).
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 1864. Л. 129. Чтоб пред волками преклоняться? Страницы драматической жизни комсомольского вожака Ленинграда Всеволода Иванова в воспоминаниях и документах // Неделя. 1989. № 10. С. 11.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 1864. Л. 129.
- ¹⁷ Там же. Оп. 58. Д. 6040. Л. 43.
- ¹⁸ Там же. Д. 2718. Л. 44.
- ¹⁹ Там же. Л. 46.
- ²⁰ Там же. Д. 8748. Л. 33.
- ²¹ Там же. Л. 35.
- ²² В 1954 году по обвинению в фальсификации «Ленинградского дела» расстреляны руководители Следственной части МГБ СССР А. Г. Леонов, В. И. Комаров, М. Т. Лихачев, а также полковник Л. Л. Шварцман – автор итогового обвинительного заключения. Вину за сфабрикованное дело также возложили на бывшего министра госбезопасности генерал-полковника В. С. Абакумова, приговоренного к высшей мере наказания.
- ²³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 1864. Л. 90.
- ²⁴ Там же. Ф. М-6. Оп. 11. Д. 24. Л. 102. Предыдущий X съезд ВЛКСМ проводился в 1936 году.
- ²⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 486. Л. 13.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Ф. М-1. Оп. 16. Д. 755. Л. 72–73.
- ²⁸ Там же. Л. 191.
- ²⁹ Там же. Л. 68.
- ³⁰ Там же. Л. 194.
- ³¹ Там же. Д. 538. Л. 34–35.
- ³² Там же. Л. 223.
- ³³ Там же. Л. 225.
- ³⁴ Там же. Л. 53.
- ³⁵ Там же. Л. 205.
- ³⁶ Там же. Л. 206–207.
- ³⁷ Там же. Л. 130.
- ³⁸ Там же. Л. 131.
- ³⁹ Там же. Д. 705. Л. 158–160.
- ⁴⁰ Там же. Д. 540. Л. 142.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 151.
- ⁴³ Там же. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵ Там же. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. Л. 16.
- ⁴⁷ Там же. Л. 13.
- ⁴⁸ Там же. Л. 13–14, 16.
- ⁴⁹ Там же. Л. 16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова А. А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 94–112.
2. Ваксер А. З. «Ленинградское дело». Итоги изучения и новые аспекты. СПб.: Европейский Дом, 2012. 48 с.
3. Васильев Ю. А. Как снимали Куприянова // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. № 2 (171). С. 24–32.
4. Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2018. 416 с.
5. Васильев Ю. А., Шепелев В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // *Исторический архив*. 2016. № 3. С. 3–31.
6. Гижов В. А. «Ленинградское дело» в отечественной историографии // *Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций XX–XXI вв.* Саратов: Амирит, 2016. С. 55–58.

Vasiliev Yu. A., *Journal Vlast' (The Authority)*, Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)

**THE FATE OF THE KOMSOMOL LEADERS IN THE HISTORY
OF THE “LENINGRAD CASE”**

The phenomenon of the “Leningrad case” between 1949 and the early 1950s seems to be one of the most resonant phenomena of the late Stalin era. It is ascertained that as a result of the repressive policy dozens of the Leningrad Komsomol Organization officials of various levels – city, regional, district and primary – suffered. Among the disgraced leaders of the Leningrad Komsomol Organization were Vsevolod Ivanov, Vsevolod Chernetsov, Anatoly Sitnikov, Mikhail Vaskovsky, Galina Egorova, Tatyana Nikiforovskaya and others. The documentary basis of the publication was comprised of the materials of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI) declassified in 2018. The study of documents on the history of the “Leningrad case” makes it possible to affirm the unity of its scenario, the synchronization of repressive actions, and the use of the same methods towards the party and Komsomol leaders of Leningrad, accused of being involved in the “anti-party group”. The declared reason for the “major shortcomings” in the Komsomol was the copying of the methods and work style of the former party leadership. It is noted that the personal affairs of the former leaders were dealt with by the trustees of the Party Control Commission under the Central Committee of the Communist Party and a group of officers from the Investigation Unit for Especially Important cases of the USSR’s Ministry of State Security (MGB). Attention is drawn to the participation of the future KGB chairmen A. N. Shelepin and V. E. Semichastny, at that time the secretaries of the Central Committee of the Komsomol, in the Leningrad events.

Key words: “Leningrad case”, late Stalinism, Party Control Commission, history of the Komsomol, Vsevolod Ivanov, Vsevolod Chernetsov, Anatoly Sitnikov, Mikhail Vaskovsky

REFERENCES

1. Amosova A. A., Brandenberger D. The latest approaches to the interpretation of the “Leningrad case” between the late 1940s and the early 1950s in Russian popular scientific publications. *The Newest History of Russia*. 2017. No 1. P. 94–112. (In Russ.)
2. Vakser A. Z. The “Leningrad case”. Results of the study and new aspects. St. Petersburg, 2012. 48 p. (In Russ.)
3. Vasiliev Yu. A. Removal of G. N. Kupriyanov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 2 (171). P. 24–32. (In Russ.)
4. Vasiliev Yu. A. Yuri Andropov. On the way to power. Moscow, 2018. 416 p. (In Russ.)
5. Vasiliev Yu. A., Shepelev V. N. The struggle of political elites in the conditions of late Stalinism. Karelian aftersound of the “Leningrad case”. 1949–1950. *Historical Archive*. 2016. No 3. P. 3–31. (In Russ.)
6. Gizhov V. A. The “Leningrad case” in the Russian historiography. *Russia – the USSR – the RF in the conditions of reforms and revolutions of the XX and XXI centuries*. Saratov, 2016. P. 55–58. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.08.2018